

Муравьев Андрей Николаевич

**Путешествие ко святым
местам русским**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
А65

А65 **Андрей Николаевич М.**
Путешествие ко святым местам русским / Муравьев Андрей Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 257 с.

ISBN 978-5-519-98151-4

ISBN 978-5-519-98151-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сіе краткое описаніе нѣкоторыхъ обителей Русскихъ можетъ отчасти служить продолженіемъ моему путешествію ко Святымъ мѣстамъ, потому что въ Палестинѣ возникло во мнѣ желаніе посѣтить ихъ. Помню, какъ смутили меня иноки Іерусалимскіе, когда во время заключенія въ храмѣ Св. гроба, они начали спрашивать у меня о Троицкой Лаврѣ, и я долженъ былъ имъ признаться, что хотя родился въ Москвѣ, но никогда не видѣлъ сей родственной святыни, близкой сердцу каждаго Русскаго и знаменитой по всѣмъ странамъ. Тогда же далъ я обѣщаніе сходить въ Лавру, по возвращеніи въ отечество, и я уже имѣлъ случай дважды ее посѣтить.

Равнымъ образомъ и Новый Іерусалимъ, который я видѣлъ прежде, нежели былъ на Востокѣ, получилъ для меня тамъ новую занимательность. Посреди храма Воскресенія, мнѣ утѣшительно было рассказывать братіи Палестинской, что и у насъ въ Россіи есть подобіе ихъ великой святыни, и какъ повѣрялъ я мысленно въ древнемъ Іерусалимѣ зданія новаго, такъ пожелалъ я, и по моемъ возвращеніи, опять на него взглянуть, при свѣжихъ еще впечатлѣніяхъ древняго, чтобы утѣшить сердце священнымъ сходствомъ обоихъ.

Монастырь Валаама, хотя и не составляетъ одного цѣлаго съ описаніемъ Лавры и Новаго Іерусалима, но присоединенъ къ нимъ, какъ первый мой опытъ о знаменитыхъ обителяхъ Русскихъ. — Если время и обстоятельства позволятъ, я буду стараться описывать самыя любопытныя изъ нихъ, по мѣрѣ посѣщенія, и предлагая сіи начатки, испрашиваю снисхожденія читателей.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Лѣтняя ночь осѣнила Лавру и сквозь прозрачный сумракъ еще въ большемъ величїи возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ южной ограды, надъ которою устроена длинная галлерей отъ Архіерейскихъ покоевъ;—я ходилъ по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго все-нощнаго бдѣнія; еще быть можетъ нѣкоторые старцы стояли на молитвѣ въ келліяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ, и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній

растворялась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій Архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ предъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ, легко стремилась къ небу величественная колокольня въ золотомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ золатыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ Игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней Водяной башни и кротко озарялъ предомною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подопшвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою, за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разстѣланныя по оврагамъ, — такой пространный обзоръ развивался съ высокой терасы.

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или везаппный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимоидущихъ

запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣдномъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ объ желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали почтовый колокольчикъ по Московской дорогѣ и звонко приближался къ Лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часового колокола,—и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія виѣшнія; но кто выразить всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они прирастаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій, здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя дѣятели: — одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко низводитъ на дно священной старины Русской, другая молитвенно возводитъ къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родины, — и, въ созерцаніи обѣихъ, смущается мысль, блуждая въ долинахъ, теряясь въ горныхъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былого, гдѣ все уже обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ

невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты, и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ!

Такъ протекла для меня часть ночи; на слѣдующее утро до литургіи пошелъ я, по обычаю, воздать ежедневное поклоненіе угоднику, какъ дѣйствительному и донынѣ Игумену своей Лавры, и желая сохранить въ памяти виѣшнюю и внутреннюю красоту храма, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривалъ его завѣтную святыню, краеугольный камень царства Московскаго и всея Руси. У самаго входа, на правой сторонѣ, почиваетъ въ своей малой придѣльной церкви, основатель собора, преподобный Никонъ, ученикъ и преемникъ Сергія, смиренно стрегущій покой своего наставника, соблюдая и по смерти небесную заповѣдь: «нѣсть ученикъ боліи учителя!»

По лѣвую сторону входа, пристроена къ южной стѣнѣ собора каменная палатка, на мѣсто бывшей убогой келліи Св. Сергія, гдѣ удостоила его своимъ явленіемъ Божія Матерь. Внутри палатки три каменные гроба: одинъ Іоасафа Скрипицына, изъ Игумена Лавры возведеннаго въ Митрополиты Всероссійскіе и потомъ, по смутамъ бояръ въ малолѣтство грознаго Іоанна, сосланнаго въ свою прежнюю обитель; другой Св. Серапіона, избраннаго также отселѣ въ Архіепископы Новгороду, ибо Лавра не преставала дарить своихъ иноковъ престоламъ Святительскимъ, и потомъ

отлученнаго отъ епархіи при Васи́лѣ Іоанновичѣ, за взаимныя огорченія съ Св. Іосифомъ Волоколамскимъ, прекратившіяся еще въ здѣшней жизни; третій гробъ славѣйшаго изъ Архимандритовъ Лавры, Св. Діонисія, который вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ спасъ отечество отъ Поляковъ.— Невольно ищешь и Келаревой гробницы, но она утаена въ пустынь Соловецкой. Тамъ былъ постриженъ Аврамій, туда возвратился онъ на свое общаніе, исполненный дней и дѣяній!

Кругомъ всѣ стѣны келліи исписаны пустынными подвигами Св. Сергія: вотъ таинственный мужъ даетъ неопытному отроку даръ изучать письма; вотъ онъ уже избралъ себѣ дикое уединеніе и дѣлится пищею съ лѣсными звѣрями: здѣсь собравшаяся братія умоляетъ его быть ихъ наставникомъ, и, въ чудномъ явленіи безчисленныхъ птицъ, предвидитъ онъ грядущее число ихъ; далѣе Св. Митрополитъ Алексій хочетъ возложить на него святительскій крестъ свой, но смиренно уклоняется Сергій: на что ему въспренній санъ, когда внутренній пламень его вѣры изливается наружно при совершеніи безкровной жертвы и ему сослужитъ Ангелъ? Тамъ начертанъ и его гражданскій подвигъ. Онъ благословляетъ Донскаго Князя на битву съ Мамаемъ, и къ ногамъ старца падаютъ два инока воина, которыхъ посылаетъ онъ умереть за отечество, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ вои-

скихъ подвиговъ Лавры для спасенія роднаго края. И вотъ напослѣдокъ вѣнецъ его житейскаго поприща, уже не просто начертанный, но весь украшенный золотомъ и камнями, сообразно важности самаго событія: — утѣшительное явленіе Божіей Матери и двухъ Апостоловъ Петра и Іоанна Сергію, не за долго до кончины, и келейнику его Михею. Сямъ запечатлѣлась живая лѣтопись его храмины.

У самыхъ дверей собора духовная стража и молебное пѣніе: отъ утра и до вечера стѣитъ на ступеняхъ у раки гробовой Іеромонахъ, въ толпѣ притекающихъ къ угоднику; сквозь нихъ только можно открыть себѣ тѣсный путь къ ракъ. Кто же эти присные Св. Сергія?—поклонники отъ всѣхъ концовъ Россіи: одни, богатые благами земли, другіе—только своею вѣрою и странническимъ посохомъ, съ которымъ обошли великія пространства, питаются именемъ Христовымъ, чтобы его прославить въ лицѣ его служителя. Иные привлеклись просить исцѣленій, хотя и не всѣ тѣлесныхъ. Много тайныхъ душевныхъ болѣзней слагается въ раку преподобнаго, много и сокрушеній сердечныхъ, которыя боятся довѣрять міру сильные міра. Онъ же, какъ чадолубивый отецъ, постигая духовныя и житейскія нужды дѣтей своихъ, подаетъ свойственныя имъ утѣшенія, привыкшій еще при жизни разсуждать, что на потребу князей земли, и что ея убогимъ

оратаямъ. Отрадно прикоснуться устами къ цѣлебнымъ мощамъ двигателя Царей и народовъ, который благоволилъ облечься, поверхъ своей ангельской схимы, въ ихъ великолѣпные покровы и возлечь въ пышную раку, уготованную ихъ усердіемъ, какъ бы на торжественную колесницу, съ которой отражаетъ враговъ Россіи. Онъ подпалъ надъ нею кипарисовый щитъ свой, гробовую доску, и подъ симъ щитомъ укрывалась не одна только Лавра, но и вся надежда царства. И могъ ли святой Митрополитъ Алексій, отъ праведной жизни переходя въ вѣчность, не предвидѣть въ Сергіи истиннаго преемника митрополіи Русской, когда поручалъ ее старцу? И могъ ли смиренный Сергій, духовно отказать ему въ послушаніи, проводши въ ономъ всю иноческую жизнь? На небесахъ довершилъ онъ сей подвигъ послушанія, принявъ горь предложенное ему долу, и съ тѣхъ поръ не преставалъ радѣть о паствѣ, дивно обличая свое святительство. Время общественныхъ бѣдствій есть его время: когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!

Благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ устроилъ ему серебряную раку, начатую отцемъ его, и столь же богатымъ балдахиномъ украсила ее Императрица Анна. На двухъ гробовыхъ древнихъ доскахъ написаны въ окладахъ два образа Преподобнаго: одинъ тѣмъ же Царемъ

Ѳеодоромъ, висящій на противоположной сѣвер-
 ной стѣнѣ; другой поменьше, у самыхъ мощей,
 надъ южными дверями олтаря. Онъ сопутство-
 валь во всѣхъ походахъ Государямъ Алексѣю
 Михайловичу и Петру великому и былъ носимъ
 предъ рядами ополченій въ отечественную войну
 1812 года. Отъ сихъ южныхъ дверей и до сѣ-
 верныхъ весь первый ярусъ высокаго иконостаса
 облить золотомъ, жемчугомъ и драгоценными
 камнями. Врата царскія, и балдахинъ надъ пре-
 столомъ, и позади его семивѣтвистый подсвѣщникъ,
 на подобіе Соломонова, и всѣ паникадила, и об-
 ширный хоросъ подъ куполомъ, вылиты изъ се-
 ребра. Ковчегъ, изображающій Тайную вечерю
 въ горницѣ Сіона, Евангеліе, сосуды, и прочая
 священная утварь цѣны необычайной, но выше
 всякой цѣны самыя чудотворныя иконы, памят-
 ныя своими исцѣленіями и усердіемъ Царей, ихъ
 украшавшихъ. — По правую сторону царскихъ
 вратъ мѣстный праздникъ Св. Троицы, въ трехъ
 истинно Ангельскихъ лицахъ, древняго Греческа-
 го письма. Цари Борисъ Годуновъ и Михаилъ
 Ѳеодоровичъ великолѣпно его убрали; на трехъ
 вѣнцамъ огромнѣйшіе изумруды, и на среднемъ
 камнѣ еще искусно вырѣзанъ тотъ же образъ
 Св. Троицы. Рядомъ, икона Христа Спасителя
 на престолѣ, и другая мѣстная, по лѣвую руку
 царскихъ вратъ, Одигитріи Смоленской, въ золо-
 тыхъ окладахъ, пожертвованы Царемъ Алексіемъ,